

ISSN 0130-1640

„Knowledge is power“ (F. Bacon)

ЗНАНИЕ-СИЛА 7 / 93

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Зарегистрирован 28.12.1990 года
Регистрационный № 1319

№ 7 (793)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Г. А. Зеленко

Редколлегия:

Л. И. Абалкин
И. Г. Вирко
(зам. главного редактора)
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янии

© «Знание — сила», 1993 г.

Обложка О. Брель

В. Желягин

Российский парламентарий во времена Государственной думы

*Из воспоминаний эмигранта
первого поколения*

Режим думской монархии, введенный в России царским манифестом 17 октября 1905 года, был естественным результатом развития тех тенденций к ограничению самодержавной власти, которые всегда существовали в русском политическом самосознании.

Еще в Московской Руси XVI века, когда складывалось понятие самодержавия в смысле государственной самостоятельности, политическая мысль работала отнюдь не только на оправдание абсолютной монархии.

На основе чисто рационалистического подхода к проблемам власти и государства Иван Пересветов доказывал царю, что государству нужна не только «грозная» власть, но и свободная самостоятельность граждан, и народная поддержка власти. «Если люди как-либо поработены,— писал Пересветов,— они теряют мужество, ибо рабу ничего не значит позор, и честь для него ничего не стоит». Со своей стороны Андрей Курбский, протестуя против абсолютистской политики Грозного, говорил о «свободном естестве человеческого» и о «естественном законе» (сегодня это называют «правами человека»), призывая царя «быти яко глава» и искать доброго и полезного совета не только у своих государственных соратников, но и у «всенародных человек»... Курбский считал, что мудрое властвование должно непременно быть разделенным, то есть ограниченным властвованием.

В политическом самосознании XVII века доминировали как раз идеи «разделенного властвования» Курбского над идеями абсолютного самовластвования Грозного... XVII век стал веком земских соборов, без которых не принималось ни одно важное государственное решение. В сознании Михаила Федоровича «самодержавие» отнюдь не было синонимом «абсолютизма»: именно при его царствовании земские соборы работали почти без перерыва, разделяя с верховной властью ответственность за управление государством.

Все эти «демократические» (по современной терминологии) традиции государственной мысли и практики пережили петровский «просвещенный абсолютизм» и

утверждаясь в политическом самосознании России, обеспечили психологическую ориентацию государственной власти на реформы, то есть — в конечном смысле — на «ограниченное властвование», уже с первых лет царствования Александра I. Ибо только существование в обществе ярко выраженных государственно мыслящих и патриотических сил, которые не представляли себе больше дальнейшего развития России без реформ, могло позволить власти думать о возможности «самоограничения». И только наличие этой общественной опоры позволило М. М. Сперанскому говорить о возможности преобразования государства не низвержением его, а его же властью.

То, чего не сумел сделать, однако, Александр I, сделал Александр II: он «доверился» этим общественным силам и, проведя Земскую реформу 1864 года, окончательно вывел государственную власть на путь «раздельного» управления. И уже ни бомбы народовольцев, ни само убийство царя не сбили русскую государственную власть с этого пути, хотя и отсрочили введение представительного строя в России на четверть века.

Как говорил П. А. Столыпин, «русское государство росло и развивалось из своих собственных русских корней и вместе с ним видоизменялась и верховная царская власть». Столыпин считал, что манифестом 17 октября 1905 года с высоты престола «было предугазано развитие чисто русского, отвечающего и народному духу и историческим преданиям, государственного устройства». Свою веру в духовные силы общества и плодотворность этого устройства он передал в беседе с редактором саратовской газеты «Волга» известными словами, которые были отмечены и подчеркнуты всеми русскими газетами: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»

Правовой строй

Манифест 17 октября, по словам А. И. Гучкова, «закключал в себе добровольный акт отречения монарха от прав неограниченности...». Гучков подчеркивал, что «тот государственный переворот, который совершен был нашим монархом, является установлением конституционного строя в нашем отечестве».

Манифест был издан тогда, когда в обществе уже начали проявляться раздвоенность и недовольство «забастовщиками» и «подстрекателями»: 14 и 15 октября в Москве происходили уличные столкновения между забастовщиками

и толпами городского населения, которых подстрекатели революционного движения окрестили «черной сотней». Утром 17 октября начал снова действовать в Москве водопровод и заработали бойни. Служащие Казанской, Ярославской и Нижегородской железных дорог постановили прекратить забастовку. Елецкое земское собрание приняло резолюцию, в которой подчеркивалось: «Пусть те, кто не хотят работать, уходят с железных дорог и очистят место нуждающимся в работе крестьянам...». Все это говорит о том, что манифест 17 октября 1905 года был задуман не только как мера для устранения «непосредственной» угрозы — государь был убежден, что восстановить общественный порядок можно было и без манифеста, — но как принципиальное переустройство всей русской жизни на основе давно уже выяснившейся в обществе идеи правового порядка. Манифест 17 октября закрепил в этом отношении «незыблемое правило», по которому «никакой закон не мог бы воспринять силу без одобрения Государственной думы» и по которому «выборным от народа была бы обеспечена возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий властей».

Издав Основные законы 23 апреля 1906 года, то есть до созыва Государственной думы, Николай II избавил народное представительство от соблазна провозгласить себя Учредительным собранием... Кадеты никогда ему этого не простили и оставались в принципиальной оппозиции в течение всего думского периода. Ибо таким образом государь не только устранил угрозу радикального обрыва, но и обеспечил преемственную связь учреждений, а это обстоятельство позволяло ему не признавать «иностранных» терминов — конституция и парламент — и определять установленный им новый порядок выражением «обновленный, преобразованный строй».

Но это же обстоятельство внесло и некоторую неясность в государственно-правовую основу нового строя...

Если правые воспринимали «обновленный строй» как «обновленное самодержавие» (а свой политический идеал, по словам Н. Е. Маркова, видели «в развитии идеи Земских соборов»), то П. Н. Миллюков утверждал, что «да, наш политический строй не есть обновленный, а новый строй, при котором не только Государственная дума и монарх, но и граждане, избирательный корпус, являются органами государственной власти». Октябристы же, со свойственными